

Л.И. Василенко

Мень о католичестве: комментарии

Он.: «ТЕОЛОГИЯ» №5, 1993, МОСКВА, стр 113-128.

Предлагаемые Вашему вниманию экклезиологические тезисы были написаны о. Александром Менем примерно в 1982 году в связи с тем, что некоторые из его прихожан заинтересовались документами II Ватиканского Собора, особенно по вопросам катехизации, апостолата мирян и социальной доктрины Церкви. В те годы казалось, что документы Собора пребывали вне поля зрения чуть ли не всей Русской Православной Церкви, но вскоре обнаружилось, что это не так, - просьбы достать их я слышал не раз. О. Александр специально никогда не писал обширных богословских работ по материалам Собора, но как служитель слова и библиист внимательно отнесся к конституции "О Божественном откровении", оценив положительно наметившуюся в ней тенденцию возврата к древнему Преданию в вопросах боговдохновенности Писания и общую установку на то, чтобы Библия действительно была опорой богословия, пастырства, катехизации и молитвенно-литургической жизни. Кроме того, в постановлении "Об экуменизме", в декрете "Об апостольстве мирян" и в ряде других документов выражены идеи, весьма созвучные тому, что не раз повторял о. Александр. Фрагменты из них будут привлечены далее для сопоставления.

Некоторые темы в его тезисах, относящиеся, например, к дисциплинарным вопросам, связанным с возможностью причащаться католикам у православных и православным у католиков, отражают положение дел в те годы и уже не соответствуют тому, что мы имеем сегодня. В последние годы его жизни со стороны Московской Патриархии были даны более жесткие, чем раньше, предписания на этот счет, продолжающие оставаться в силе. И о. Александр, при всей своей открытости к католикам, принимал такие указания как то, что следует исполнять без споров и критики. Но, подчеркивал он, в Православии есть все необходимые предпосылки для того, чтобы менять в будущем такую практику для достижения более полного общения.

"Западная Церковь, - говорил он однажды, - живет и действует, действует настолько смело и решительно, что не боится вводить свой корабль в самые узкие проливы, проводить его над самыми острыми камнями, вызывая самые резкие сотрясения своего корабля; только корабль, управляемый надежным кормчим, способен проходить через такие проливы" (1, с. 58). Этим он воздал должное всему, что было сделано католиками XX века для развития вверенных им духовных даров. И это сказал человек, который не упускал при случае напомнить слова Вячеслава Иванова о "пыли веков", осевшей на католичестве, и неизменно настаивал, что властолюбивый архиерей - такой же противник Христа, как и незаконный правитель и фанатичный приверженец старины.

Фигуру архиерея, доходящего в своем безмерном властолюбии до сатанинской гордыни, многие на православном Востоке обычно ассоциировали с Папой или с каким-нибудь влиятельным сановником. Самый яркий пример такого рода дает Ф. М. Достоевский. Но таковые встречались и в средневековом православном мире, и в кальвинистских кругах. В страстной борьбе за чистоту русского Православия тоже есть мотив властолюбия и самоутверждения. Есть он и в псевдоправославном национализме, который еще в 1872 году был квалифицирован на Соборе в Константинополе как неприемлемый для Церкви филетизм. Стремление добиваться монархической централизации всего христианского мира вокруг Папы, конечно, было в Ватикане в Средние и более поздние века, вплоть до XIX века, и оно, считал Мень, вовсе не соответствовало замыслам Божиим. Промысел просто использовал распри человеческие для временного отдаления восточного Православия от Рима в целях сохранения хотя бы

небольшого разнообразия видов благочестия в сумрачный средневековый период. Но уходят старые времена, а вместе с ними потеряли значение те причины раскола, которые имели культурно-исторический, этнический и политический характер, и теперь сами католики начали ценить по достоинству сохраненное на православном Востоке от апостольских времен духовное наследие, принимая его как ценнейшее богатство Вселенского Христианства. В постановлении II Ватиканского Собора "Об экуменизме" это выразилось так:

"...очень важно знать, почитать, хранить и развивать богатейшее литургическое и духовное наследие Востока для верного сохранения полноты христианского предания и для осуществления примирения восточных и западных христиан" (Об экуменизме, 15). Различие образа жизни, обычаев и традиций разных церквей, констатируется далее, "отнюдь не противоречит единству Церкви, но даже увеличивает ее красоту и немало способствует осуществлению ее призвания" (там же, 16). И в богословском выражении веры столь же допустимо, как сказано, "законное разнообразие", выражающееся в различных методах и подходах к исповеданию веры: "Поэтому неудивительно, что некоторые стороны откровенной тайны были более соответственно восприняты и изложены в лучшем свете одним, чем другим, так что различные богословские формулы следует нередко называть скорее дополняющими одни другие, чем противоположными. Что касается подлинных богословских преданий Востока, надо признать, что они как нельзя лучше укоренены в Священном Писании, развиваются и выражаются в литургической жизни, питаются живым апостольским преданием и творениями Восточных Отцов и духовных писателей, ведут к правильному укладу жизни и даже к полному созерцанию христианской истины" (там же, 17).

Признав столь важными для Церкви единство и разнообразие духовных традиций и харизм, католический мир сделал серьезный шаг для возвращения к принципу соборности, верность которому Православие худо-бедно все-таки сохраняло из века в век. В XIX веке в России о соборности много и живо писал А.С. Хомяков, идеи которого нашли свое выражение впоследствии в трудах философов, духовных писателей-мирян, священников и некоторых архиереев. А в древней Церкви единство в разнообразии было засвидетельствовано, разумеется, на Вселенских Соборах, в святоотеческом наследии и в литургической практике - в Слове, в Духе и в Святой Евхаристии. Была полнота общения в вере и любви, утраченная затем по обоюдной вине Востока и Запада, когда различия между традициями осмысливались уже не в духе любви, а в духе отчуждения - как их взаимная несовместимость. Чтобы восстановить единство, понадобится не только добрая воля самих христиан, не только любовь более глубокая и сильная, чем это было до сих пор в церковной жизни, но и особая милость Божия.

I Ватиканский Собор 1870 года православные христиане неизменно оценивали отрицательно, если рассматривать его итоги в плане взаимоотношения Православия и Католичества. Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим писал, что "он углубил расхождение между Церковью на Востоке и Западе и, казалось, отодвинул в какую-то бесконечную, почти недостижимую даль возможность осуществления завета Христова о едином стаде" (2, с. 377). "Все думали, - отмечал и Мень, - что I Ватиканский Собор окончательно опорочит Западную Церковь в глазах всего мира", но произошло неожиданное для врагов Церкви: "Бог посылает католической Церкви таких пап, как Лев XIII, Пий X, Пий XI, которые сразу возвращают ей почти тот же авторитет, коим она обладала в Средние века" (1, с. 58). Они осуществили большую и трудную предварительную работу, чтобы сделать возможным II Ватиканский Собор. И он был воспринят духовно чуткими православными как одно из самых замечательных и плодотворных явлений духовной жизни нашего времени. По словам Патриарха Константинопольского Афинагора I, это - Собор всехристианского значения, "невероятная мутация, чреватая огромным риском, огромным упованием" (3, с. 391). Благодаря этому Собору, продолжал он, "наши католические собратья вновь вернулись к Церкви как к

евхаристической тайне, как к организму любви. Это провиденциальное приближение к православной экклезиологии, сближение, обновляющее подход к доктринальным проблемам. Любовь становится нашим общим критерием" (там же, с. 396-397).

II Ватиканский Собор привлекал симпатии и внимание о. Александра Меня не только своей смелостью и решительностью в постановке и решении многих проблем церковной жизни, борьбой за подлинную свободу духа в Церкви, но и своими основными принципами: во-первых, исторические грехи христиан Востока и Запада должны перестать быть решающими для формирования наших отношений в будущем - от них нужно освободиться через покаяние каждой из сторон и взаимное прощение; во-вторых, христиане должны стать открытыми ко всем проблемам современного мира и Церкви и, в-третьих, общей установкой на то, чтобы сочетать в церковной жизни единство и разнообразие. О. Мень отдавал должное тому, что Собор ориентировал на возрождение в Католичестве духа церковности, духа братской общинности и вновь подчеркнул, что именно Евхаристия становится источником духа подлинного братолюбия. В России ряд замечательных церковных деятелей еще в XIX веке много потрудились для возрождения подлинной общинности в приходской православной жизни, и Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917 - 18 гг. не без содействия Духа решал ряд тех же вопросов, что и в Ватикане полвека спустя. О. Александр осознавал себя прямым наследником начатого тогда, нередко ссылаясь на это и надеясь ввести в этот труд и своих прихожан.

В Средние века не умели и не хотели примирять единство и разнообразие в церковной жизни, не особенно отдавая себе отчет в том, что единство евангельской истины вполне соотносимо с разнообразием возможностей человеческой культуры, стремящейся раскрыть, выразить и осуществить единую правду Нового Завета: "Многоразлична, как говорит Писание, Премудрость Божия, Пути должны быть многообразны" (1, с. 30). Но в истории Церкви одни христиане шли на раскол ради верности тому, что они унаследовали по традиции, а другие предпочитали унификацию всецерковной жизни и отсеечение как неприемлемого всего, что унифицировать не удавалось. Средние века были "полосой церковных кризисов" (1, с. 12). Дух церковности и на Западе и на Востоке был сильно ослаблен и, если обратиться к Католической Церкви, то попытки его возрождения имели в основном лишь "очаговый" характер. Это делалось в монашеских орденах, которые становились тогда, по оценке о. Александра, чем-то вроде "Церкви в Церкви".

Нет спора, их обновляющее значение было огромным для средневекового Католичества. Но в XX веке возрождение духа церковности становится делом всей Церкви, а не только христианских братств в ней, и Собор выразил это весьма убедительно: вся Церковь - это община верующих, народ Божий, питаемый от Чаши и возрастающий во Христе, пока в высшей радости не достигнет в Небесном Иерусалиме всей полноты вечной славы. Такие формулировки были близки и дороги о. Менью: Церковь - "народ святой, т. е. посвященный Ему на служение", и в нем Христос воплощается и действует (1, с. 71-72). А братства или локальные общины? - Они могут быть очень даже хорошими, но есть тут, если судить по Москве, одно искушение: идите к нам, говорят их организаторы и энтузиасты, у нас хорошо и мы хорошие, а что там в большой Церкви - не наша забота. Там разные архиереи, но кто они для нас? - не лучше ли нам держаться от них подальше?

Для православных христиан такой соблазн опаснее, чем для католиков, из-за большей слабости иерархии и из-за сравнительно большей удаленности епископов от жизни приходов и общин. Восстановление общин и братств у нас происходит как-то спонтанно, снизу, нередко без серьезной архипастырской поддержки. Слишком часто сталкиваешься с тем, что для многих православных братств, общин и кругов значимы одни лишь священники или старцы в монастырях. Нередко, хотя и не всегда, это достойные люди, благодаря чему сложившееся ненормальное в церковном смысле положение дел многими воспринимается как что-то само собой разумеющееся. Но есть широко распространившиеся сомнительные политизирующие влияния, скрытые сепаратистские

тенденции, что-то вроде протестантства, мотивированного вовсе не любовью к слову Божию, а амбициями лидеров или же коллективными предпочтениями, мифами и пр. Однако общины и братства нужны - приходская жизнь в духовном плане едва теплится. И сейчас нетрудно встретить активных, серьезных и достойных священников, которые такому соблазну, к сожалению, поддаются: "К архиереям надо относиться с пониманием и снисхождением: они не только немощные, но и больные. Когда больной бредит, на него не обижаются", - говорил, к примеру, о. Георгий Кочетков, уверенный, что только в его общине и делается то, что имеет будущее во всей Церкви (Новая Европа, М.-Seriato (Bergamo), N 1, с. 78).

Отношение мирянина или священника к архиерею как врача к больному клиенту - это, конечно, не сыновнее послушание, И если мы признаем, что путь духовного обновления Православия лежит через возврат к древнехристианским церковным идеалам, то нужно принять с верой и доверием древний принцип, который был определен еще св. Игнатием Антиохийским, св. Иринеем Лионским и др.: "Где епископ, там и Церковь". Он означает, что нет полноты церковной жизни, полноты благодати там, где нет епископов - прямых наследников апостолов. Церковь - это прежде всего евхаристическая община, возглавляемая епископом, и сама Евхаристия является связью с епископом - таков смысл работ прот. Николая Афанасьева, хорошо известных Отцам Собора. Православный, как и католик, убежден, подчеркивал Мень, в непреходящем значении иерархического принципа в Церкви. И оценивая результаты II Ватиканского Собора, он исходил из принципа органического единства евхаристичности и иерархичности Церкви, делая больший акцент на прежде всего евхаристической природе единства Церкви и сравнительно меньше и реже говоря о роли иерархии. На Соборе же иерархии придавалось больше значения.

Согласно вышеприведенным экклезиологическим тезисам о. Меня, нам выпало жить и трудиться в условиях временной неполноты учительского служения церковной иерархии на Востоке (тезис 10). Времена меняются, и Господь, как следует верить, приведет Православие к событиям, не менее значимым для Востока, чем II Ватиканский Собор для Запада. О. Александр Мень верил, что лучшее время Православия, как и лучшее время Вселенского Христианства, - впереди, а не позади. Но своя иерархия в трудном положении, в среде клира немало недостойных, а верующий народ всегда нуждается в наставлении, и в принципе нет ничего недопустимого для православного христианина с определенным вниманием прислушиваться к учительному слову, исходящему от активно действующей иерархии на Западе. Последняя не потеряла апостольского преемства и многое совершила за прошедшее столетие для восстановления авторитета всей Западной Церкви в целом, подорванного и историческими грехами самих христиан, и мощной антихристианской деятельностью.

Отметим, что о. Александр говорит только о том, чтобы "прислушиваться" к исходящим из Рима документам, но не более того. Здесь, на мой взгляд, нет вынужденного умолчания, недоговаривания, опасений. Есть ясное понимание, что и над ним самим, и над любым другим священником, монахом или мирянином есть в своей Церкви те, кому вверено главное - преемство, учительство и "право вязать и решить". Следовательно, последнее слово в вопросах веры и построения церковной жизни - не за священниками, старцами-монахами или же мирянами, пусть даже очень умными, образованными, духовно опытными и энергичными, а за епископами и соборами своей Церкви, в которую нас привел Господь, если, разумеется, это слово прочно укоренено в Св. Писании и Св. Предании и выдержано в духе максимальной пастырской ответственности.

В конце концов иерархия должна учить - учить в духе Евангелия, опираясь на Св. Писание и Св. Предание, учить верующий народ, чтобы правда Христова овладела его душой. Здесь есть историческая правота католической иерархии, правота самого принципа "учащей Церкви", если пользоваться традиционной терминологией Запада,

пусть даже этот принцип далеко не всегда правильно осуществлялся - в ущерб той самой соборности, о которой православные любят напоминать. Над учительным служением православной иерархии издевались из века в век государственная власть, аристократия и образованное общество, да и в наше время этому конца не видно. И теперь трудно говорить людям, что никакое попрание учительного служения не могло отменить важности самого служения. В ответ на это я однажды услышал дикое заявление, что сам св. Сергей Радонежский не признавал иерархию. Это совершенно не соответствует истине, но сам факт подобных заявлений свидетельствует, что практически забыто, к чему обязывает нас принцип "Где епископ, там и Церковь". И все же, сколь бы ни казалось, что в России полностью похоронено достоинство иерархии, ему дано будет обрести новую жизнь, если Господь в ответ на духовную жажду и молитвы верных пошлет благодать для духовного обновления и возрождения жизни всей Церкви в целом.

Но есть в подоснове тезисов Меня и другое. О. Александр не раз и настойчиво высказывал свое продуманное и зрелое мнение: подходы, методы, рекомендации западных иерархов даются прежде всего для западных же христиан, прошедших вполне определенную вероучительную подготовку, воспринявших определенную внутрицерковную культуру и живущих в рамках сложившегося церковного распорядка согласно католической дисциплине, послушанию, с четко оформленным чувством церковности как таковой. Собор это констатировал столь же ясно: "Не всегда будет уместно принятые в одном народе формы пересаживать без рассуждений в другие" (Декрет "Об апостольстве мирян", 19). На Востоке - иное чувство церковности и, соответственно, иное восприятие того, что исходит от иерархов и адресуется верующему народу. Поэтому и документы, исходящие из Рима, воспринимаются наиболее внимательными из православных как ценные и важные, но не как беспспорные.

Весь верующий народ, согласно православному пониманию, является носителем церковной истины. Авторитетность принадлежит всецелой Церкви, и она имеет характер внутренней убедительности церковной правды. Эту сторону дела лучше выразил, пожалуй, Митрополит Антоний (Сурожский), Авторитет в Церкви, писал он, - это "способность говорить такие слова, что при слышании их всякая душа дрогнет и во всякой душе откроется вечная глубина" (5, с. 76). Человек, если он предстает перед Богом, нуждается в пастырском слове, вводящем в Присутствие Божие, в слове, содействующем правильному построению отношений с Богом. Поэтому от священника в Православии редко когда ждут высшей теологической и философской подготовки, прекрасной образованности и учености. Напротив, это должен быть человек живой веры, имеющий опыт личного общения с Богом и благодатный дар примирять с Богом других людей, освобождать их в духовническом труде от гнета собственного "эго" и пробуждать в сердцах подлинную любовь к Богу и ближнему, Этот человек должен видеть других людей глазами Божией любви и иметь дар духовного водительства, чтобы содействовать всякой душе, ищущей путь к Царству Божию.

Авторитет без авторитаризма, авторитет всей Церкви в вопросах веры и истины - вокруг этого идет вековой спор Православия и Католичества. Там, где не от Бога насаждается авторитет, там же, настаивают православные, и опасность гордыни, превозношения над братьями, их унижения, а затем и ненависти. Христианин, писал Мень в своем личном кредо, "остерегается авторитаризма и патернализма, которые коренятся не в духе веры, а в чертах, присущих падшей человеческой природе" (6, с. 28). Отвергать авторитаризм - не значит отвергать дисциплину и порядок. Они нужны во всяком человеческом сообществе, и мы свободно, с пониманием и по совести принимаем их. Именно в этом смысле прежде всего и нужен Западной Церкви Папа, считал Мень, - как социологически понятный и необходимый центр Церкви организованной, дисциплинированной, с большой армией богословов, ученых и миссионеров, Но для православного христианина, находящегося вне католических структур, слово Папы важно в той мере, в какой в нем звучит слово Христово. Ибо на первом месте в Церкви -

Христос, Дух Божий, Евангелие. Христос для того и создал Церковь, чтобы через нее остаться в мире и действовать. Все христиане посвящены Богу и служению Христову, независимо от сана и ранга, а функциональные различия между служениями уже вторичны. И если иерарх или группа иерархов принимает постановление или решение, не соответствующее духу Евангелия, "оно автоматически теряет свою силу, оно теряет свою внутреннюю благодатность, потому что оно не есть слово Христово, сказанное через пастыря или архипастыря - кого угодно. Это уже только их слово" (1, с. 65).

И все же есть у о. Александра Меня слова, которые находят на мысль о том, что он готов был увидеть в Папе нечто большее, чем просто социально-организационно-необходимый центр: "если верят католики, что Бог действует через преемника Петра как главы апостолов, то Он так и действует" (1, с. 66), Сама форма этого устного высказывания в разговоре дома может произвести впечатление не лишенной определенного юмора. Но, с другой стороны, по вере и дается. И если православный верит, что ему нечто может быть дано Богом по молитве перед иконой, почему католик не вправе верить, что Папа унаследовал дело Петрово на его кафедре? А Петру было поручено многое: "Будь пастырем овец Моих" (Ин 21.17), и: "утверди братьев твоих" (Лк 22.32). Что бы ни говорили о Папе в антикатолических кругах в русском Православии, преемственная связь Папы по отношению к св. ап. Петру существует, и апостольская кафедра Рима сохранила свое особое значение для всего христианского мира. Есть, в конце концов, особая тайна во взаимоотношениях Бога и Папы. Есть тайна и в избрании самого апостола Петра. И совершенно очевиден факт того, что из всех кафедр, основанных непосредственно апостолами, осталась живой, активной и действенной только Римская кафедра. Но у о. Меня в его тезисах оставлен без внимания вопрос об "ex cathedra"; вместо разбора этого вопроса выражена общая неудовлетворенность теми вероучительными определениями, в которых католики представили свое понимание роли Папы, и прозвучала надежда, что будут сделаны шаги в сторону выработки форм, более приемлемых для Православия (тезис 9, г).

И это не только его личная неудовлетворенность и его личная надежда. Николай Арсеньев, известный православный мыслитель, живший за рубежом, присутствовал в качестве гостя на ряде заседаний Собора и увидел в его деятельности яркое свидетельство Церкви о прорыве Божиим в мир, совершенном Его Сыном для спасения всех, свидетельство, по значению сопоставимое с тем, какое дала в свое время ранняя Церковь. Была на Соборе, писал он, вполне четкая тенденция к тому, чтобы придать должное значение столь дорогому для православных соборному началу в жизни Церкви. Однако "несомненным разочарованием для ряда католических богословов, настроенных "соборно", и еще большим разочарованием для православных (а также для англикан и верующих протестантов) явилось то, что в конце декрета о Церкви II Ватиканского Собора целиком вставлена вся формула о папской безошибочности, провозглашенная I Ватиканским Собором в 1870 году. [Речь идет, судя по всему, об известном месте догматического постановления "Свет народам", 25 - Л. В.] Нельзя было, конечно, ожидать отказа от этого ватиканского догмата 1870 года, но можно было ожидать (и многие надеялись на это), что это лишь недавно догматизированное учение Католической Церкви будет сформулировано другими словами в несколько смягченном виде, а главное, что будет изменено особенно неприемлемое для православных выражение "ex sese et non ex consensu Ecclesiae" - постановления Папы, произносимые "ex cathedra", "не подлежат исправлению" "сами по себе, а не с согласия Церкви". Эта последняя формула неудачна, по-видимому, и с католической точки зрения..." (7, с. 245).

Тем самым принцип соборности не был проведен достаточно последовательно. Православные давно ждут Папу без всех традиционных черт былого "папизма". И эта надежда начинает оправдываться. В апостольском послании Папы Иоанна Павла II "Свет с Востока" (май 1995 г.) есть слова: "Желающий быть первым - призван быть слугою всех, тогда из мужества его милосердия может возникнуть первенство любви. Молю Бога, дабы

он прежде всего вдохновил меня и епископов Католической Церкви на конкретные свидетельства этой уверенности. Этого требует сама глубина природы Церкви. Каждый раз, когда мы совершаем Святую Евхаристию - это таинство общения, - в разделяемых нами Теле и Крови мы находим призыв к нашему единству. Как мы можем пользоваться полным доверием, если предстаем разделенными перед Святой Евхаристией, если неспособны быть соучастниками Самого Господа, Которого мы призваны возвещать миру? Будучи взаимно исключенными из евхаристического общения, мы ощущаем нашу нищету и необходимость прилагать все усилия, чтобы приблизить день, когда мы вместе сможем разделять единый хлеб и единую чашу" (Свет с Востока, 19).

Собор призвал католиков стать прежде всего духовно экуменичными, а это означает чистоту жизни по Евангелию, "общение с Отцом, со Словом и с Духом Святым" (Об экуменизме, 7). Стать экуменически мыслящими и жить по Евангелию - эти слова относятся к ключевым в наследии о. Александра Меня (см. тезис 6 и др.). Собор однозначно заявил, что разделение Церквей, разделение христиан "явно противоречит воле Христа, является соблазном для мира и вредит самому святому делу - проповеди Евангелия всей твари" (Об экуменизме, 1). Есть священная тайна единства Церкви, к которой всем нужно относиться с благоговением. Собор поставил каждого из христиан на Востоке и на Западе в ситуацию выбора - либо содействовать примирению и восстановлению единства между учениками Христовыми, либо отказываться выполнять заповеданное Христом. То же самое сказано и в 1-м тезисе Меня. Именно экуменическим итогам Собора он придавал основное значение: ведь Собор провозгласил основным в отношениях с не католиками принцип братского уважения и любви, соединив его с призывом к самим католикам делать все необходимое для достижения христианского совершенства в своей жизни и отдавать должное всему, что Дух Святой творит за видимыми границами Римско-Католической Церкви.

Собор связал задачи экуменизма со свидетельством о Христе по всей земле, с миссионерским служением всех христиан, независимо от того места, какое они занимают в Церкви как иерархически-структурном образовании. Само христианское призвание было определено на Соборе как призвание к апостольству, как причастность пророческому, священническому и царскому служению Самого Христа, Для осуществления такого служения нужно быть прежде всего по-человечески подготовленными - внутренне свободными, ответственными, понимающими, социально зрелыми, профессионально компетентными, умеющими жить и успешно действовать в рамках существующего мирского порядка, но сохранять при этом устойчивую ориентацию на евангельский идеал. Сам Господь поручает всем христианам апостольствовать, и для этого необходимо дополнить зрелость и мудрость человеческого действия благодатью веры и духовных даров." Любовь - душа всего апостольства", - сказано на Соборе (Об апостольстве мирян, 3). Личное стремление к святости и единению со Христом, духовное возрастание в жизни во Христе - без этого не будет успешного апостольского служения.

И когда о. Александр Мень ставил вопрос, чего ожидает от нас Господь в оставшееся время, он говорил о вещах, близких по духу сказанному в декрете "Об апостольстве мирян", декрете, где активные миряне, ученики и свидетели Христовы, были признаны опорой священников и епископов, соучастниками их миссионерского труда, теми, кто призывается повсюду участвовать в создании церковных общин и заботиться о нуждах Народа Божия, рассеянного по всей земле: "Проповедь. Это значит, что мы должны найти общий язык с людьми нашего времени, не отождествляясь с ними полностью и не отгораживаясь от них стеной архаики. Это значит, что мы должны поставить - заново, свежо, как бы открывая впервые - все те вопросы, которые ставит перед нами Евангелие.

Свидетельство. Это значит, что мы должны решить - мы еще не решили - жизненную задачу, найти свою позицию в жизни, свое место не в обычном смысле слова, а свое отношение ко всем жизненным проблемам.

И, наконец, Присутствие. Чтобы мы все время учились молитве и чтобы углубляли в себе опыт таинств, чтобы наше свидетельство было не свидетельством об идеологии, а свидетельством о живом присутствии Бога в нас" (1, с. 51),

Служить Христу и свидетельствовать о Христе - это о. Александр считал главным в наше время, И через возрождение апостольского служения Православие вновь обретет вселенское дыхание и явит миру полноту истины Христовой, полноту духовных даров, соборность как кафоличность, а значит - продолжит дело Христово на земле. Но и предстоятель Западной Церкви писал, что экуменическое мышление должно служить "восстановлению полного выражения кафоличности Церкви" (Папа Иоанн Павел II. Свет с Востока, 1) - той самой кафоличности, которой, по его признанию, не хватает ни одной из существующих церковных традиций. А для этого каждая из традиций пусть признает свою слабость и несамодостаточность, чтобы в духе смирения служить единству всех христиан. Пусть каждая из традиций признает любовь между христианами выше закона в любой, в том числе и своей собственной традиции, Найти силы для любви друг к другу, несмотря на любой перенесенный или нанесенный ущерб, - таков призыв Рима, обращенный с надеждой на отклик с Востока.

Наша основная задача теперь - расчищать те завалы из разного хлама, которые христиане нагромодили друг против друга с той и с другой стороны, Собор взялся за этот труд и побудил католиков стать открытыми к христианам других Церквей и к проблемам современного мира.

Открытое христианство способно дать правильный ответ на призыв, обращенный ко всем церквам: "Врач, исцелился сам" (1, с. 26). Открытость ко всем ветрам - это признак духовной зрелости и силы, зрелое отношение к проблемам внутренним и внешним, решимость давать ответы на вызовы противников и мира. Положение, конечно, трудное: "...сейчас дуют очень холодные ветры, сейчас мир становится другим, и многим хотелось бы сделать веру теплым прибежищем - убежищем от этого бурного и неудобного мира. Может быть, в этом и есть что-то справедливое. И все-таки вера нужна нам не как опиум, но дана нам как сила жизни, сила борьбы и сила упования" (1, с. 29-30).

Литература

1. Мень А. Домашние беседы о Христе и Церкви. М.: Яхтсмен, 1995.
2. Никодим, Митр. Ленинградский и Новгородский. Иоанн XXIII, Папа Римский. Wien: Pro Oriente, 1984.
3. Клеман О. Беседы с Патриархом Афинагором. Брюссель: Жизнь с Богом, 1993.
4. О. Всеволод Рошко и о. Александр Мень. Переписка о западном и восточном христианстве. Вестник русского христианского движения. Париж, Н.-Й. к М., 1992, N 165, с. 44-73.
5. Антоний, Митр. Сурожский. О встрече. СПб.: Сатисъ, 1994.
6. Мень А. Культура и духовное восхождение. М.: Искусство, 1992.
7. Арсеньев Н. Единый поток Жизни: К проблеме единства христиан. Брюссель: Жизнь с Богом, 1993.